

Интересно, сколько же всего овощей и фруктов Лю Мао умудрился запихнуть в этот огромный пакет? Ноша оказалась на удивление тяжёлой. Зато теперь его холодильник, до этого сиротливо гудевший впустую, наконец-то обретёт смысл существования и будет заполнен до отказа.

Пыхтя и отдуваясь, он одолел несколько лестничных пролётов, и вдруг на четвёртом этаже услышал, как со скрипом отворяется дверь. Подняв голову, он нос к носу столкнулся со стариком Чжаном – своим соседом сверху.

- Ты что это, в чужие огороды за провизией лазил? – начал было старик Чжан, но вдруг осёкся на полуслове. Выражение его вечно недовольной физиономии резко переменялось. Он в два огромных шага, прямо-таки по-молодому, пересёк лестничную площадку и, оказавшись вплотную к Шэнь Чан Аню, впился в него подозрительным, изучающим взглядом. – Ты где это ел?

Шэнь Чан Ань инстинктивно отшатнулся. Надо же, и не подумаешь, что в старике Чжане ещё столько прыти! Он принялся к собственному рукаву – от ткани действительно исходил слабый, едва уловимый, но вполне узнаваемый аромат хого.

- Да так... с другом пошли хого поесть, – пояснил он.

Старик Чжан ещё с полминуты буравил его тяжёлым взглядом, словно пытаясь заглянуть в самую душу, а потом, видимо удовлетворившись осмотром, снова напустил на себя привычную мину глубочайшего недовольства жизнью:

- То-то я и чую, запах слишком явственный.

- Неужели так сильно пахнет? Аж за несколько метров? – Шэнь Чан Ань снова принялся, потом нагнулся и, достав из своего бездонного пакета большой пучок зелени, протянул его старику. – Дедушка Чжан, это мне друзья дали с собой. Овощи самые свежие, с грядки. Одному мне столько за раз не съесть, а полежат пару дней – пропадут. Возьмите немного, угощайтесь.

- Овощи? – старик Чжан уставился на сочные, влажные, буквально лоснящиеся здоровьем листья, которые держал в руках. На его лице отразилась целая гамма сложных, противоречивых чувств. – Раз уж ты сам предлагаешь, отказываться не стану. Подожди-ка здесь.

Он развернулся и, не говоря больше ни слова, скрылся в своей квартире. Спустя минуту вышел обратно, бережно неся в руках большую, богато украшенную коробку, которую с размаху всучил ошарашенному Шэнь Чан Аню.

- Ты это, – старик небрежно махнул рукой на коробку. – Тысячелетний дикий женьшень (1). Забирай, сварить себе и съешь.

Шэнь Чан Ань чуть дар речи не потерял. Он что, только что обменял пучок зелени на тысячелетний женьшень? Даже если этот женьшень окажется подделкой, он всё равно чувствовал себя мошенником, бессовестно нажившимся на доверчивом старике.

- Дедушка Чжан, это же просто овощи, обычная зелень! Зачем Вы так... Я не могу принять такой подарок...

- Чего это ты? - брови старика Чжана грозно сошлись на переносице, а физиономия ясно выражала мысль: "Посмей только отказаться - я тебе тут же башку снесу!". Шэнь Чан Ань, будучи по натуре человеком неконфликтным, поспешно засунул коробку с женьшенем в свой пакет с овощами, пряча её поглубже, подальше от греха.

- Дедушка Чжан, если вам понравились овощи, - осторожно предложил он. - Я сегодня вечером приготовлю ужин. Может, поужинаем вместе? Я и вам порцию сделаю.

Он ожидал, что старик, с его вечно недовольным видом, непременно откажется. Но тот, поколебавшись всего секунды три, коротко кивнул и, не проронив больше ни слова, развернулся и ушёл к себе, громко хлопнув дверью.

"Вот ведь чудак. Станный, но, кажется, добрый внутри".

Дома Шэнь Чан Ань первым делом принялся разбирать пакет. Только сейчас он понял, почему тот был таким тяжёлым - помимо овощей и фруктов, на дне обнаружили два увесистых куска нежнейшей вырезки и несколько здоровенных мослов с костным мозгом.

Мясо и кости - продукты скоропортящиеся, выбрасывать такое добро было настоящим преступлением. Шэнь Чан Ань, недолго думая, тщательно промыл кости, закинул их в большую глиняную кастрюлю, залил водой и поставил томиться на медленный огонь. Пусть себе булькает, пока он займётся другими делами.

Подготовив все продукты для вечерней готовки, он почувствовал лёгкую скуку и, плюхнувшись на диван, достал телефон. Надо бы черкнуть пару строк Дао Няню. Всё-таки он сегодня и объелся до отвала, и подарков набрал целый пакет - как-то неловко, надо хоть как-то обозначить свою благодарность, что ли.

Чан Ань: "Дао Нянь, ты уже проснулся после обеда?"

Нянь: "."

Увидев эту одинокую точку, Шэнь Чан Ань сразу понял: проснулся, и даже, кажется, в хорошем расположении духа. Он принялся болтать о всякой ерунде, перескакивая с темы на тему. То, что собеседник в ответ выдавал лишь одно-два слова или вообще обходился знаками препинания, ничуть не смущало его и не охлаждало пыла. В детстве он был тем ещё болтуном -

язычок без костей, как говорится. Годы и пережитые невзгоды немного притушили этот пыл, но, как выяснилось, полностью искоренить врождённую говорливость не смогли. В конце концов, сам того не заметив, он выложил Дао Няню всю историю про старика Чжана и его щедрый ответный дар.

Чан Ань: "Чувствую себя жуликом каким-то, который наживается на одиноком незащищённом старике. Неловко-то как..."

Нянь: "Ничего ты не нажился".

Шэнь Чан Ань, читая этот уверенный, почти безапелляционный ответ, аж перевернулся на диване, прижимая телефон к груди. Ну надо же! С таким убеждённым видом заявлять, что он ничего не нахапал, - у него самого язык бы не повернулся!

Чан Ань: "Одному мне столько овощей всё равно не съесть. Послезавтра выходной, может, зайдёшь ко мне в гости? Я кое-что умею готовить, оценишь мои скромные кулинарные таланты?"

* * *

Дао Нянь с абсолютно бесстрастным лицом уставился на экран телефона. Он вообще старался избегать тесных контактов с людьми - слишком хлопотно, слишком много суеты, лишних эмоций, непредсказуемости. А уж ходить в гости к кому-то - это вообще запредельный уровень сложности.

Нянь: "Хорошо".

Хотя... почему бы и нет? Иногда, в виде исключения, можно и отступить от правил. В конце концов, что в этом такого уж страшного?

---

1. 千年参 (qiānnián yěshēn) - тысячелетний дикий женьшень - в китайской традиционной медицине и народных верованиях женьшень, особенно дикорастущий и тем более "тысячелетний", считается не просто ценным лекарственным средством, а почти мифическим артефактом, обладающим чудодейственной силой продлевать жизнь, возвращать молодость и исцелять от любых болезней. Является символом высшей степени драгоценности и редкости.

<http://bllate.org/book/16518/1504601>